

СЕРГЕЙ ТРАХИМЁНОК

ПЕТЛЯ МОРБУТ

ПОВЕСТЬ

В гимнастическом зале детской спортивной школы стоял монотонный шум. Это две группы девочек одновременно занимались на всех снарядах и ковре. В этом шуме время от времени звучали слова двух тренеров — Ивана Крыжа и Николая Сафроненко.

— Энергичней разбег, энергичней, — замечает Сафроненко ученице, выполняющей опорный прыжок.

Крыж слышит это, но не видит, потому что стоит спиной к дорожке, по которой ученица делает разбег.

Ему почему-то вспоминаются строчки стихов Высоцкого:

*Разбег, толчок, и стыдно подыматься.
Во рту опилки, слёзы из-под век...*

Автоматически приходит вывод, который он, как тренер, сделал бы прыгуну: “Стыдно подыматься”, потому что ты “не вложился” в прыжок...

В это время он подстраховывал сальто одной из учениц.

— Иван Фёдорович! — кричит вошедшая в зал вахтёрша. — Вас к телефону.

— Пусть позвонят после тренировки.

— Это оттуда, — говорит вахтёрша и показывает пальцем вверх.

“Оттуда” — это серьёзно. В конце концов, от этого “оттуда” многое за-

ТРАХИМЁНОК Сергей Александрович родился в 1950 г. в г. Карасук Новосибирской области. Окончил Свердловский юридический институт. Доктор юридических наук. Член Союзов писателей России и Беларуси. Секретарь правления Союза писателей Беларуси. Автор многих книг прозы. Живёт и работает в Минске.

висит в гимнастической жизни. Но почему не в тренерскую звонят, а на вахту? Хотя кто их разберёт? Да и в тренерской сейчас никого нет...

Иван Фёдорович выходит в вестибюль, где рядом со стеклянными дверьми гимнастической школы стоит стул вахтёрши и гардеробщицы одновременно.

Телефон, как ему и положено, висел на стене, а трубка его лежала на стуле. Крыж взял трубку в руку и произнёс:

— Да?

Но на противоположном конце, словно кто-то ждал этого “да”, сразу же положили трубку.

— Что за шутки? — возмутился Крыж. — Больше меня не приглашайте. Если я кому-то нужен, то пусть через час позвонят в тренерскую.

— Я ему так и сказала, — затараторила вахтёрша, — так он слышать ничего не захотел!

— Хорошо, хорошо, — произнёс Крыж. Тут он заметил, что по вестибюлю на руках идёт одна из его учениц, а рядом с ней движется другая, чуть страхуя её за каблуки неспортивных туфель, которые надеты на босые ножки юной гимнастки.

Вахтёрша, заметив взгляд Крыжа, поспешно сказала:

— Я им говорила, чтобы они шли в зал, а они...

— Пусть ходят, — сказал на это Крыж, — если им так хочется.

Разве объяснишь вахтёрше, что у той, что идёт по вестибюлю на руках, проблемы с координацией, а её подруга пытается помочь ей эту проблему ликвидировать. Причём она полностью копирует приёмы Крыжа, который всегда уводил с ковра тех, кто плохо держал равновесие в стойке на руках. Потому что, чем мягче поверхность, на которой делает стойку гимнаст, тем сложнее сохранить равновесие. Но тут его ученица пошла дальше. То ли опыт, то ли интуиция подсказали ей, что сохранить равновесие легче, если утяжелить ноги. Вот она и надела на свою подружку неспортивные туфли.

Крыж вернулся в зал, где его ждали девочки из младшей группы.

Несмотря на юный возраст, многие из них уже перворазрядницы. У них прямые спины и подтянутые животы. Они достаточно дисциплинированы и сосредоточены, не дурачатся на тренировках. Они, как дрессированные собачки, не реагируют внешне на то, что происходит вокруг. Но кто знает, что происходит у них внутри... Впрочем, об этом можно догадаться по живости их глаз. Они много бы дали, чтобы узнать, кто это мог так бесцеремонно пригласить к телефону всесильного и всезнающего Ива. Так они зовут его за глаза. Правда, это прозвище они узнали от девочек старших групп. И на всех ступенях их спортивного совершенства оно будет произноситься ими с различным уровнем шлетета.

За последние двадцать лет женская гимнастика значительно омолодилась. Впрочем, он сам приложил к этому руку. Ранее по программе мастеров могли выступать гимнастки не моложе шестнадцати лет. Но он стал обкатывать своих девочек с четырнадцати, а чтобы они могли выступать на взрослых соревнованиях, добыл им липовые справки. Рано или поздно такие вещи становятся известными... На него тогда спустили всех собак. Но он давал результат и отделался выговором.

Пожалуй, первыми в Советском Союзе его девочки выполнили норму мастера спорта в четырнадцать лет. Дальше — больше, и на смену взрослым женским формам в гимнастику пришли формы, более похожие на девчоночьи.

На входе в зал Крыж ощутил его запах и отметил, что впервые в жизни у него появилась мысль об анализе составных частей этого запаха.

Он подошёл к равновысоким брускам и без паузы, чтобы перерыв в тренировке был как можно короче, произнёс:

— Ещё раз, Валентина. Два последних элемента.

Валентина подошла к брускам, немного помедлила, видимо, прокручивая в уме два последних элемента комбинации, затем чётко выполнила их и сделала соскок.

— Прекрасно, — сказал Крыж, — но когда делаешь соскок, не зажмуривайся.

— Иван Фёдорович, я не зажмуриваюсь.

— Да, глаза у тебя действительно открыты, но ты внутренне “зажмуриваешься”. Ты боишься делать этот элемент.

— Я не боюсь, — произнесла девочка упрямо, но, скорее всего, потому, что ей не хотелось признаваться в своей слабости.

— Чуть-чуть побаиваешься. Но из этого есть два выхода: первый — ты всё время повторяешь этот элемент, пока он перестанет быть страшным. И рано или поздно ты почувствуешь уверенность в себе. Но есть более короткий путь — выдели из него тот момент, который для тебя самый сложный и которого ты... не боишься, а побаиваешься, и прокрути его мысленно вне снаряда. Понятно?

Девочка кинула в ответ.

— Прокрути его так, чтобы не только не бояться, но и чувствовать радость от его выполнения, а потом сделай соскок. Не получится — ещё раз проделай это. Над соскоком надо работать много. Какой бы красивой и сложной ни была комбинация на брусках, ошибкой на соскоке можно всё испортить...

* * *

— До свидания, — сказала Крыжу вахтёрша, когда он проходил мимо нее, уходя домой. — Этот... товарищ опять звонил, но я доложила ему то, что вы мне велели.

— Правильно доложили, — произнёс Крыж.

Сойдя с крыльца спортивной школы, он свернул на тихую боковую улицу и медленно пошёл по ней.

Был тихий майский вечер. Листочки на деревьях уже полностью прогнулись, но не распустились до конца. И он почувствовал запах этих ярко-изумрудных и липких листочков.

“Что за день такой? — подумал он. — У меня словно нос открылся на запахах. Не заболел ли я?”

“День, день — дребедень”, — возникла в его мозгу смешная рифма.

Прошёл ещё один день его тренерской жизни. В этот день не случилось ничего интересного, если не считать этой вдруг открывшейся способности отвлекаться на запахи...

— Старею, что ли? — произнёс он вслух.

Он остановился на тротуаре, пропуская мимо милицейский “воронок”, который на языке профессионалов сыска называют автозаком.

Но автомобиль не поехал дальше, остановился... Из кабины его выпрыгнул человек и подошёл к Крыжу. Он улыбнулся ему как старому знакомому и представился:

— Следователь Игнатъев, Иван Фёдорович. Вам придётся поехать со мной.

— Почему? — спросил Крыж.

— С одной из ваших учениц проблема, — произнёс Игнатъев, широко улыбаясь.

— Она травмировалась? — спросил Крыж, отмечая странность в поведении следователя: уж если с кем-то случилась неприятность, то стоит ли так лучезарно улыбаться...

— Нет, но она попала в скверную историю.

— Едем, — решительно произнёс Крыж.

— К сожалению, в кабине нет места для двоих, — сказал следователь. — Но я вам составлю компанию в фургоне, ведь не париться же вам там одному, — добавил он и снова лучезарно улыбнулся.

В его руках вдруг появилась металлическая ручка. Он открыл ею боковую дверь фургона и пропустил Крыжа вперёд. Крыж полез в автозак и на секунду представил, что как только он окажется в фургоне, следователь захлопнет дверь. Но этого не произошло. Следователь влез в фургон вместе с ним.

Они оба уселись на лавку, сделанную из толстой доски, и машина тронулась.

Ехали от силы минут десять-пятнадцать. Автозак остановился, двери его открылись. Следователь выпрыгнул первым и сделал жест, приглашающий Крыжа повторить его маневр.

Спрыгнув на землю, Крыж удивлённо огляделся и спросил следователя:

— Где мы?

— В тюрьме, — просто ответил тот.

— Дело зашло так далеко?

— Да, Иван Фёдорович, дело зашло так далеко. Идите за мной.

Всё это следователь произнёс уже без своей обычной улыбки, и Крыж подумал, что дело действительно зашло далеко...

Следователь направился к дверям тюремного корпуса. Крыж пошёл за ним. Они прошли по коридору мимо закрытых камер, откуда раздавались голоса заключённых, мимо контролёров, равнодушно смотрящих куда-то по сторонам, и вошли в помещение, которое почти ничем не отличалось от камер. Серые стены, отделанные “мелкой шубой”; стол — ближе к противоположной от двери стене; табурет, почему-то поставленный не рядом со столом, а посредине комнаты.

Рядом со столом — стул, сиденьем к двери, а на столе портфель, такой обтрёпанный, что всякому стало бы ясно, что он казённый.

— Присаживайтесь, — произнёс следователь, кивнув Крыжу на табурет.

— Сюда? — растерялся Крыж.

— Туда, туда, — произнёс следователь, — здесь только два места для сидения. Одно моё, а второе ваше.

Крыж сел на табурет и сразу же попытался подвинуть его к столу, но сдвинуть его он не смог... Тут только он обратил внимание, что ножки табурета прибиты к полу железными пластинами.

— Что это? — спросил Крыж.

— Табурет, — равнодушно ответил следователь.

— А почему он прибит?

— Потому что в камерах для допросов табуреты прибиты к полу, так положено по инструкции.

— В камерах для допросов?

— Да.

— Допросов кого?

— А вы как думаете?

— Погодите, вы сказали, что моя ученица попала в скверную историю?

— Совершенно верно.

— А сами привозите меня в тюрьму. Вы меня в чём-то подозреваете?

— Иван Фёдорович, полчаса назад вы шли по улице и кого встречали?

— Прохожих.

— Точно, прохожих. Так вот, их мы подозреваем, а тех, кого привозим сюда, мы не подозреваем, а обвиняем, — сказал следователь и улыбнулся, правда, не столь ослепительно, как раньше.

— Вы меня обвиняете?

— Я готов предъявить вам обвинение.

— И в чём же вы меня обвиняете?

— Иван Фёдорович, куда вы так спешите, всему своё время...

Он открыл портфель и не спеша разложил на столе какие-то бумаги, отвинтил колпачок у авторучки.

— По вашей статье, Иван Фёдорович, — санкция до трёх лет, а квалифицированный состав и того больше — до шести, так что привыкайте к тому, что вам некуда больше спешить... Ваши фамилия, имя, отчество?

— А вы не знаете?

— Нет, Иван Фёдорович, с этой минуты я ничего не знаю и очень хочу узнать, причём многое...

.....

— Так, — произнёс следователь, — фамилию, имя и отчество мы зафиксировали, место и время рождения тоже. Пойдём дальше. Учёное звание?

— Не имею, — ответил Крыж.

— Почётные звания?

— Заслуженный тренер СССР. Так в чём же вы меня обвиняете?

— Иван Фёдорович, не торопитесь, у нас, знаете, процедура, дойдём и до этого. Чего вы так разволновались, а?

— Да нет, я не волнуюсь. Мне не о чем волноваться.

— Если вам не о чем волноваться, то и беспокоиться не надо... Судимы?

— Нет.

— А это мы ещё посмотрим. Проверим вас по учётам, и может выясниться, что вы, Иван Фёдорович, уже много раз судимы, но только никто в нашем городе не знает этого. Причём — судимы за преступления, не красящие мужчин.

— Что за бред?

— А вот про бред я бы советовал не упоминать. Тут многие с этого начинают, но потом убеждаются, что всё, что я говорю, есть самая настоящая реальность, а бред как раз то, о чём они говорят. Ну, вот и все формальности так называемой протокольной “шапки”, а теперь к главному.

— Вы не предупреждаете меня об ответственности за дачу ложных показаний? — спросил Крыж.

— Иван Фёдорович, вы специально прикидываетесь идиотом или действительно не понимаете, куда вы влипли? Обвиняемый не предупреждается об ответственности за дачу заведомо ложных показаний, закон даёт ему право врать, но это его не спасает. Ведь обвинение предъявляется по уже собранным доказательствам.

— Доказательствам чего?

— Вашей вины...

— Вины в чём?

— В совершении преступления.

— Какого преступления?

— Иван Фёдорович, не стройте мне удивлённые глазки. Вы отлично понимаете, о чём идёт речь.

— Я не понимаю, о чём идёт речь, и требую, чтобы вы мне это разъяснили, а не ходили вокруг да около.

— Помилуйте, Иван Фёдорович, разве я хожу вокруг да около, я просто даю вам возможность опередить меня, самому рассказать о том, что вы совершили, и это, безусловно, вам зачтётся. Годик-другой вам скостят. А годик-другой по такой плохой статье, как у вас — это много значит.

— Что значит плохая статья? Значит, если есть плохие статьи, то бывают и хорошие статьи?

— Хорошие и плохие — это не юридический термин. Так говорят осуждённые. Для них статьи, а точнее преступления, делятся на две категории. Те, что совершать почётно, и те, какие порядочные ээки не должны совершать.

— И что же совершил я?

— Всему своё время, всему своё время.

* * *

Немного волнуясь, Николай Сафроненко набрал знакомый номер телефона.

— Здравствуйте, Пал Серафимович, это Сафроненко, он пропал.

— Коля, — отозвался голос, — ты что, в разведке служишь? Кто он?

— Ну, вы же знаете, Пал Серафимович.

— Знаю, Коля, знаю, что он — первый тренер, и заслуженный, а ты ему хвост заносишь. Он не пропал, его арестовали.

— Арестовали?

— Коля, я представил, как вытянулось у тебя от удивления лицо, но не ты ли хотел этого?

— А без ареста нельзя было?

— Наверное, нельзя, ты-то чего волнуешься, там разберутся. Всё, не мешай мне, я первому доклад правлю.

В трубке раздались отбойные гудки.

Сафроненко положил трубку на рычаг аппарата, походил по комнате и набрал номер телефона Владилены Крыж.

— Влада, — сказал он, — тут нелепица какая-то, но ты не волнуйся, муж твой жив-здоров.

— А где он? — спросила Владилена.

— Его арестовали.

— Как арестовали?

— Не знаю...

— А за что?

— Тоже не знаю, ну, может, он подрался с кем-нибудь.

— Коля, да ты в своём уме?!

— Ну не знаю, не знаю...

— А ты-то откуда узнал об этом?

— Влада, не спрашивай. Большие люди по секрету сообщили, чтобы ты не волновалась. Он жив, здоров, только в тюрьме.

— Да за что же его могли посадить?

— Может, кто жалобу написал, обвинил в присвоении денег или стипендий наших заслуженных... с них станется. Ладно, не переживай, там разберется. Отдыхай.

После разговора с женой Крыжа Сафроненко долго не мог успокоиться. Он стал ходить по комнате, мысленно представляя жизнь и работу без Крыжа.

“Всё — крыжевские заморочки побоку, открываем платные оздоровительные группы и качаем деньги! А медали будут делать несколько мастеров, которых начинал тренировать Крыж. Таким образом, и волки будут сыты, и овцы острижены”.

Неописуемая радость нахлынула на него после этих приятных мыслей.

* * *

— Так вы ответите на мой вопрос: в чём же меня обвиняют? — спросил Крыж, раздражённый иезуитской тактикой следователя.

— Господи, Иван Фёдорович, вы так хотите этого, пожалуйста, только перед этим ответьте мне на такой вопрос: вы крепко сидите на стуле?

— Крепко.

— Тогда слушайте: вы обвиняетесь в растлении, Иван Фёдорович, в растлении малолетних.

— Бред какой-то.

— Стоп, мы же с вами договаривались не употреблять это слово.

— Мы с вами ни о чём не договаривались, мне нужно позвонить домой. Там жена волнуется...

— Пусть поволнуется. Впрочем, возможно, ей недолго волноваться. Как только она узнает о муже — растлителе малолетних девочек, она сразу перестанет волноваться и постарается отмежеваться от вас.

— Этого не может быть, — сказал Крыж.

— Может, Иван Фёдорович, может. Женщины странные существа. Пока их муж в почёте, они им гордятся, как ранее гордились каретами и лошадьми на выезд, но стоит ему споткнуться — их и близко нет... А уж тем более... как узнает, за что вас арестовали.

— Но разве можно вот так просто арестовать человека по обвинению в преступлении, которое он не совершал?

— Невозможно, в преступлении, которое он не совершал, невозможно. Но это не ваш случай. У вас совершенно другая история. В этой папке, — следователь похлопал рукой по картонной папке, — есть все доказательства вашего преступления.

— Но я не совершал никакого преступления, тем более того, о котором вы говорите!

— Иван Фёдорович, я не намерен торговаться с вами. Не совершали, так не совершали. Мне не нужно вашего признания. Мне достаточно того, что содержится в этой папке.

— Неужели в ней может что-либо содержаться?

— А вы полагаете, что это просто тактический трюк следователя, некая пустышка. Уверяю вас — нет.

— Но в этой папке не может быть ничего, что могло бы доказать преступление, которое вы мне вменяете.

— Ах, как хорошо. Вы сказали “вменяете”, а говорили, что не судимы, что никогда не сталкивались со следствием.

— Я действительно никогда...

— Ну, довольно повторений, гражданин подследственный! Не сталкивались — так не сталкивались. Открываем папку и читаем первый документ. Но перед этим первый вопрос: вы знаете гражданку Елену Морбут?..

— Господи, какая терминология...

— Ещё раз прошу не отвлекаться. Вы знаете её?

— Да, это моя ученица.

— В каких отношениях вы были с ней?

— Что за вопрос, в отношениях тренера и спортсменки.

— А что это за отношения?

— А вы не знаете?

— Нет, Иван Фёдорович, я вам уже говорил, что я ничего не знаю и вынужден буду всё узнавать от вас, такова процедура.

— Это отношения учителя и ученицы, если вас устроит такая аналогия или параллель.

— Так и запишем. Как часто вы с ней встречались? И где?

— На тренировках...

— А помимо тренировок?

— И помимо тренировок, тренировки — это не вся работа с гимнастками. Вообще воспитательный процесс — это часть процесса подготовки...

— Иван Фёдорович, я не на сборах, которые вы проводите для городских тренеров, про воспитательный процесс вы можете рассказывать там...

— Вы задаёте вопрос, я отвечаю.

— Хорошо, пусть будет так. Тогда уточним вопрос... Она бывала у вас дома?

— Да.

— Часто?

— В последнее время — часто.

— Как вы считаете, почему?

— У девочек в четырнадцать-пятнадцать лет переходный возраст, и они мучаются разными комплексами. И если у них есть необходимость поговорить с тренером вне тренировок или зала... то тренер никогда не будет уклоняться от таких разговоров.

— Понятно.

— Вряд ли вам это понятно, — произнёс Крыж.

— И, тем не менее, мне всё понятно! — сказал следователь. — Вы в курсе, что Лена пыталась отравиться?

— Да.

— А какие у неё были на это причины?

— Мало ли может быть причин у пятнадцатилетней девочки. У неё сложные отношения с отчимом.

— Откуда вы знаете?

— Она мне сама говорила об этом.

— Это тоже входит в воспитательную работу с гимнастками?

— Что “это”?

— Разговоры о семейных дрязгах, неурядицах, конфликтах с родителями, в частности, и с окружением вообще.

- Всё зависит от ситуации, если ситуация не позволяет ей эффективно тренироваться и готовиться к соревнованиям, то “да”.
- Вы ничего не хотите мне сказать больше?
- Нет.
- Ну, тогда я вам скажу, точнее... покажу.
- Следователь извлёк из папки листок школьной тетради и протянул его Крыжжу.
- Вам знаком этот листок?
- Да.
- Вы не отрицаете, что текст его написан вашей рукой?
- Нет.
- Ещё бы!
- Следователь достал другой документ.
- На тот случай, если бы вы отказались... вот результат почерковедческой экспертизы, которая засвидетельствовала, что текст выполнен вашей рукой.
- Но это безобидная записка. Я её написал Лене, чтобы поддержать её в трудный для неё момент.
- Да, вы написали её Лене и передали с одной из ваших учениц в больницу. Там она и попала в руки родителей Лены.
- Но в записке совершенно нейтральный текст.
- Правильно, текст совершенно нейтральный. Это слова поддержки и обещания, что “всё скоро наладится”. Так?
- Почти так.
- Что значит “почти”?
- “Почти” — это значит, что там нет того подтекста, который вы имеете в виду.
- А вы знаете тот подтекст, который я имею в виду?
- Конечно, вы ведь всё время “прибиваете” меня к нему.
- Правильно, я вас “прибиваю” к нему. Но почему вы чувствуете, что я вас “прибиваю”?
- Не знаю.
- Да всё вы знаете. Вы чувствуете это потому, что знаете, о чём идёт речь. А речь идёт о том, что без связи с другими материалами дела эта записка действительно содержит совершенно нейтральный текст. Но, сообразуясь с другими доказательствами, она уже — улика, звено в цепи других доказательств, которые ведут к однозначному выводу о вашей виновности.
- Да с какими доказательствами она может сообразоваться?
- С другими, Иван Фёдорович, с другими.
- Так предъявите их мне.
- Вы так этого хотите?
- Да.
- Хорошо... Вот фотокопия заявления родителей Лены Морбут о том, что вы заманили их дочь в дом и надругались над ней. Написано оно со слов самой Лены, но, сами понимаете, что ей только пятнадцать и она ещё не полностью дееспособна. Кстати, я могу дать фотокопию её пояснений.
- Этого не может быть...
- Это есть, и вы можете в этом убедиться, если прочитаете заявление. Впрочем, это копия, и я специально сделал её для вас, можете взять её с собой... в камеру.
- Куда?
- В камеру, Иван Фёдорович, в камеру! Я не Господь Бог, а только следователь, тюрьмой не распоряжаюсь. Но если вы вдруг попадёте в камеру, где много других подсудимых, не распространяйтесь, за что вас посадили, я вам уже говорил о плохих статьях. Хотя в тюрьме трудно что-либо скрыть...
- Но это невозможно, у меня завтра тренировки.
- Всё возможно, Иван Фёдорович, всё. Вот постановление о вашем аресте. Вот санкция прокурора на нём. А это много значит. Убедить нашего городского прокурора дать санкцию на арест такого человека, как вы — мно-

гого стоит. И уж поверьте мне, он сделал это без колебаний. И ещё, поверьте мне на слово, этот эпизод будет первым в цепи обвинений.

— Вы хотите сказать...

— Да, именно это я и хочу сказать. Вы слишком долго работали с девочками-гимнастками, чтобы иметь только одно это обвинение.

Следователь встал со стула, запустил руку в портфель и вытащил оттуда прозрачный полиэтиленовый пакет.

— Здесь зубная щетка, порошок, поскольку зубная паста в тюрьме запрещена, кусочек мыла и большой носовой платок. В тюрьме лицо не вытирают тюремным полотенцем. Это моё “всё, что могу” для вас, Иван Фёдорович, поскольку ваша жена вряд ли знает, что ей нужно будет передать вам сюда. Так что пользуйтесь и не считайте это за некий психологический приём воздействия на вас.

* * *

Крыж опустился на нижние нары, сваренные из железного уголка, автоматически отметив, что верхние нары не имеют деревянной основы и похожи на параллельные брусья.

Вся процедура водворения его в камеру прошла как в тумане... Контролёры его раздели донага, прощупали каждый сантиметр одежды, изъяли ремешок и стали спорить о том, оставить ли ему часы.

— Оставь, — сказал первый, — изымаются только часы из драгоценных металлов.

— Разуй глаза, — сказал второй, — на них гравировка от президента США, если у него их снимут, то долго отписываться будешь.

— Где с него снимут?

— В карантине.

— На него следак постановление написал об изолированном содержании.

— Сегодня написал, завтра отменит.

Потом в помещение, где проходил обыск, пришёл ещё один человек. Крыжа сфотографировали, сняли отпечатки пальцев, испачкав ладони типографской краской.

— Нельзя ли вымыть руки? — спросил он.

— В камере отмоешься, — ответил первый, но всё же дал ему тряпку, которой он снял с ладоней значительную часть краски.

— Так он не пойдёт в карантин? — спросил первый второго.

— На хрена ему карантин, если он пойдёт в двадцать седьмую, — ответил второй.

— Руки, — произнёс первый.

Крыж протянул ему открытые ладони...

После того как он вошёл в камеру, прошло полчаса. В корпусе было относительно тихо, если не считать некоего ровного шума, видимо, исходящего из всех камер, да коротких возгласов контролёров.

— Отбой, — раздался зычный голос из коридора.

Крыж снял туфли, снял свитер, свернул его и положил на нары вместо подушки. Затем лёг и потянулся до хруста.

— Спать, спать, — скомандовал он себе, — утро вечера мудренее.

Он даже представил себе, что утром его вызовет следователь и скажет, что произошла ошибка, извинится и отпустит. Крыж не знал, что такие или почти такие мысли посещают всякого, кто первый раз попал в тюрьму.

Однако ему не спалось. Как только он закрывал глаза и переставал видеть прокопчённый потолок камеры, он “видел” утро завтрашнего дня в спортивной школе.

Ему совершенно ясно представлялись разговоры сослуживцев, обсуждавших его арест, внимательные глазёнки учениц, которые кожей чувствуют всё, что происходит с их тренерами. Сплетни вахтёрш...

Потом наступил резкий перелом, и память извлекала из своих запасников картинки послевоенного детства и, как в кино, демонстрировала их перед глазами Крыжа.

Вот перед ним гимнастический зал. Мальчишки, сидящие на низкой гимнастической скамейке. Они ждут тренера, чтобы записаться в секцию гимнастики. В те времена именно гимнастика была королевой спорта. Лёгкая атлетика сменила её на этом пьедестале после пятидесятих годов. Наверное, это произошло потому, что в ней могло участвовать и достигать результатов гораздо большее число участников. Гимнастика же требовала определённых форм, коих в природе было не так много.

Вот один из мальчишек вскакивает, подбегает к перекладине и, извиваясь, как червяк, подтягивается несколько раз. Пример всегда заразителен — тут же к снаряду подходит второй и, зацепившись коленом за перекладину, начинает раскачиваться. Потом к перекладине выходит ещё один. Он вполне гимнастически, с прямыми ногами и туловищем, подтягивается несколько раз...

* * *

О том, что нужно подниматься, Крыж понял по усилившемуся шуму в корпусе. Он поднялся с нар, потянулся, сделал несколько разминочных упражнений и пошёл к раковине. С сантехническим устройством, вмонтированным в пол, он уже познакомился, когда вставал ночью помочиться. Раковина была почерневшей, но не грязной. Из крана, если его отвернуть до конца, текла вполне приемлемая струйка воды. И он начал омовение, вспомнил “доброе” следователя, который дал ему туалетные принадлежности и большой носовой платок.

Затем к нему нагрянули контролёры. И, как он понял, это была новая смена. Ему сказали, чтобы он представился.

— Крыж Иван Фёдорович, — назвался он.

— Статья? — спросил первый из них.

— Не знаю, — честно признался он.

Второй контролер усмехнулся и ткнул пальцем в какую-то бумагу.

— Ясно, — сказал первый, — сто восемнадцатая...

И они покинули камеру.

Через некоторое время в двери камеры открылось небольшое окошко, и хриплый голос произнёс громко:

— Возьми пайку.

Крыж подошёл к кормушке и увидел, как чьи-то руки подали ему кружку с жидким чаем, кусок хлеба и кашу на алюминиевой тарелке, а хриплый голос уже тише произнёс:

— Ночью на толкан не ходи, с двух до трёх.

— А ты кто? — спросил Крыж.

— Баландер, — был ему ответ.

Как ни странно, но он хотел есть и съел свой первый тюремный завтрак довольно быстро. Затем сполоснул кружку и сел на нары обдумать то, что ему сказал баландер.

Однако он так ничего и не придумал. За этим занятием его и застала команда контролера:

— Крыж, к следователю!..

На столе следователя лежал прозрачный пакет, в котором было запечатано маленькое вафельное полотенце.

— Это вам, Иван Фёдорович, — сказал следователь вместо приветствия, — для гигиенических нужд. Ваша супруга вряд ли догадается передать всё это вам, поскольку на свободе есть мнение, что тюрьма — это полное государственное обеспечение.

— Благодарю, — ответил Крыж.

— Благодарностей не стоит, — произнёс следователь, — продолжим нашу беседу. На чём мы остановились?

— Вы полагаете, я должен помнить то, на чём мы остановились?

— Хороший ответ, — сказал следователь, — вы, Иван Фёдорович, обладаете быстрой адаптационной способностью к любым обстоятельствам. Если, конечно, вы ранее не были в тюрьме.

— Нет, я не был в тюрьме ранее. И многое в ней мне непонятно. Например, сегодня утром некто, представившийся баландером, запретил мне мочиться с двух до трёх ночи.

— Ах, Иван Фёдорович, Иван Фёдорович, святая простота. В это время в тюрьме из камеры в камеру по системе канализации гоняют “коней”.

— Кого гоняют, я не ослышался, коней?

— Да-да, “коней”, вы не ослышались. “Конями” здесь называют завернутую в целлофан маляву. Её передают по системе канализации, а чтобы не очень испачкаться, “рекомендуют” в определённое время всей тюрьме не справлять нужду. Потому что специалисты на это время откачивают из системы воду. Понятно?

— А что такое “малява”?

— Малява — это записка.

— Вот теперь понятно.

— Ну, раз вам всё понятно, приступаем к делу... Почему Елена Морбут приходила к вам домой, разве нельзя ей было решить свои проблемы в зале?

— Она пыталась писать стихи.

— А вы ещё и стихи пишете?

— Да.

— Так вы — поэт?

— Не знаю, поэт я или нет, но со всей определённой могу сказать: я пишу стихи.

— Это тоже элемент гимнастической подготовки?

— И гимнастика, и поэзия — разновидности творчества. И я поощряю такие проявления у своих учениц. Разумеется, если они не вытесняют гимнастику.

— Значит, вы — творец, создатель. И что же вы создаёте?

— В настоящее время и в прошлом я создавал олимпийских чемпионов.

— Мне понимать это так, что, возможно, в будущем вы будете создавать что-то другое?

— Я не знаю, что буду делать в будущем, тем более, что вы рисуете его мне совсем не так, как я этого хочу.

— Ну что ж, логично. Тогда у меня следующий вопрос: вы — творец, а другие тренеры — не творцы?

— Знаете, среди тренеров очень много хороших людей, но творцов действительно мало. Они зарабатывают на кусок хлеба, и всё...

* * *

Удивительно устроен человек. Ещё вчера он с ужасом шёл в камеру, а теперь, после допроса у следователя, он стремился туда, в это ограниченное пространство, которое становилось его домом, возможно, на многие месяцы. Он хотел попасть туда, чтобы прокрутить всё, что слышал от следователя, оценить все свои ответы и предугадать, что ещё может быть у следователя против него. И сделать это ему было удобно именно в камере, которой он так боялся вчера.

Однако поразмышлять в камере ему не пришлось. Только он положил на полку над раковиной полотенце в целлофане, как ключ в дверях повернулся, и равнодушный голос контролёра произнёс:

— Крыж, на прогулку.

Иван вышел из камеры, как положено, повернулся к стене и дождался, пока контролёр закроет дверь и скамандует ему: “руки назад... вперед”.

По коридору навстречу ему шла колонна арестованных из пяти человек. Контролёр остановил их перед дверьми камеры, повернул лицом к стене. Но последний из них выполнил это распоряжение наполовину.

— Ты кто? — спросил он Крыжа.
— Разговоры, — произнёс контролёр.
Но спрашивающий и ухом не повёл.

— Человек, — ответил Крыж.

Спрашивающий усмехнулся криво и произнёс:

— Здесь один человек — Хозяин.

Контролёр подвёл Ивана к какой-то двери, снова повернул его лицом к стене и толкнул дверь рукой. Светом солнечного дня и летнего тепла пахнуло оттуда.

— Вперёд, — произнёс контролер.

— Что это? — неволью спросил Крыж, увидев перед собой те же стены, но без крыши.

— Прогулочный дворик.

Крыж не в лесу рос и знал, что в тюрьмах существуют дворы, где прогуливаются арестованные. Но в его представлении это был большой двор, в котором по кругу ходят заключённые. Что-то подобное он видел в одном из фильмов Дамиано Дамиани. Здесь же не было никого, а дворик представлял собой ту же камеру, только без нар, санузла и крыши. Впрочем, там, где должна быть крыша, находилась сетка.

В тюрьме человек начинает соображать быстрее, чем на свободе.

“Чтоб перебросок не было”, — подумал Иван и услышал, как дверь за ним захлопнулась. Этот хлопок послужил неким сигналом: Крыж услышал вверху шаги, и взгляд его встретился с другим контролёром, который наблюдал за арестованными сверху.

Крыж прошёлся по периметру дворика и собрался было сделать разминку, но мысль о том, что контролёр наверху как-то по-своему оценит её, остановила Крыжа. Он прислонился к стене и закрыл глаза...

* * *

Через три дня ему выдали тонкий матрас, простыню и подушку. Значит, формально его пребывание в карантине закончилось. Следующую ночь он спал как в раю. Однако беспокоило то, что его уже несколько дней не вызывают к следователю.

Постепенно у него складывался некий распорядок дня. От завтрака до обеда. От обеда до ужина. А в этих промежутках он убирал камеру, ходил на прогулку, делал физические упражнения с большим количеством повторений, используя нары как брусья. После этого приступал к водным процедурам. И всё это он проделывал не торопясь, потому что за всем этим не стояло ничего. И упражнения, и омовения делались не для чего-то, а именно для самих себя. В этом была какая-то железная тюремная логика, которой он не знал ранее, но которую он с каждым днём интуитивно постигал.

К следователю его вызвали через три дня, и он буквально летел по коридору, так ему хотелось вновь увидеть человека, который пытался его поймать на лжи, неточностях, деталях. Человека, который обвинял его в совершении преступления. Человека, стараниями которого он должен рано или поздно оказаться в колонии по плохой статье... Однако это был единственный человек, который говорил с ним, а не переговаривался, как это делали контролёры.

— Скажите, Иван Фёдорович, — начал следователь после приветствия, — сколько раз вы были женаты?

— Два.

— А чего так?

— Я развёлся.

— Почему и когда?

— С первой женой я развёлся, когда она стала чемпионкой СССР и потеряла интерес к дальнейшему совершенствованию и более высоким титулам в гимнастике.

— Вы меня удивляете! Нормальные люди женятся, чтобы заводить детей, а не для...

— Наверное, я ненормальный.

— И не только вы... А ваш второй брак?

— Второй раз я женился на медсестре.

— Но вы не ушли из женской гимнастики.

— Да, не ушёл.

— А как вы вообще пришли в женскую гимнастику?

— Это долгий разговор.

— Иван Фёдорович, а куда нам спешить?

— И то верно. Но зачем это вам?

— Чтобы понять вас, Иван Фёдорович, чтобы понять вас. Без этого я не могу установить мотивы вашего поведения.

— Хорошо, я хотя и не стал мастером спорта, но работал по программе мастеров и рано или поздно стал бы им, если бы не два события, которые со мной произошли. Первое было для меня весьма неприятным. Впрочем, и второе тоже. Но первое дало мне некий ключ к пониманию многих проблем в гимнастике. Второе же не дало ничего.

— Итак, суть первого, — произнёс следователь.

— Суть первого, что я стал крутить программу для мастеров. А тогда перед снарядами не ставили ящичка с магnezией. Однако гимнасты, чтобы руки не скользили, поступали просто: подходили к стене и проводили ладонями по извёстке. Не был исключением и я. Но, видимо, извёстку со стены уже соскребли, и я на круговом обороте оторвался от перекладины и очень неудачно упал. У меня треснула челюсть, я получил ушиб позвоночника.

— И вы ушли из гимнастики?

— Нет, не ушёл. Я снова стал тренироваться, но обратил внимание, что боюсь перекладины. Я преодолевал этот страх более года. И это дало мне возможность в будущей тренерской работе строить работу так, чтобы гимнастки не боялись снарядов. Потому что человек, получивший либо травму, либо сильную боль, фактически никогда их не преодолеет. И впоследствии я стал создавать подготовительные снаряды. Например, все упражнения девочки у меня делают вначале на бревне, которое лежит на полу. Потом есть бревно маленькой высоты, потом они занимаются на бревне средней высоты и только потом переходят на бревно, на котором им придётся выступать на соревнованиях.

— А второе событие тоже связано с травмой?

— Да...

В это время дверь камеры для допросов распахнулась, и один из контролёров произнёс:

— Вас вызывают в отдел, нужно ехать на происшествие...

— Но я сегодня не дежурный следователь, — возразил Игнатъев.

— Мне-то вы зачем это говорите? — пожал плечами контролёр.

— И то верно, — сказал Игнатъев, — скажите выводной, пусть заберёт подследственного в камеру.

* * *

В камере Крыж снова вернулся к тому, как он пришёл в женскую гимнастику. Рассказав это следователю, он словно вновь пережил всё, что случилось с ним тогда. Ему было семнадцать. У него всё получалось, но это не приносило удовлетворения. Он снова и снова шёл в зал и работал.

— Всё нормально, — сказал однажды ему тренер, застав одного в зале, — но ты тренируешься так неистово, что мне приходится тебя сдерживать.

— Больше работы — выше результат, — ответил тогда Крыж.

— Если бы так, — возразил тренер. — Делай перерывы, переключайся ещё на что-нибудь.

— На что, например?

— Хотя бы пива попей.
— А как же режим?
— Режим — это для тех, кто любит пиво. А ты его когда-нибудь пробовал? Чего молчишь? Пробовал, я спрашиваю?
— Нет.
— Ну, так попробуй. И будь осторожен с нагрузками. Твоё военное детство может тебе боком вылезти.

Тренер как в воду смотрел. Однажды на сборах, в гостинице, где он жил с одним гимнастом из Гомеля, Крыж услышал привычные радиосигналы, а затем гимн Советского Союза. Он попытался вскочить с кровати, но мышцы не повиновались ему. Его скрючило судорогой.

Его сосед по номеру сбегал за тренером, а тот пригласил врача.

Крыжа доставили в больницу. Перед выпиской к нему пришёл тренер. Иван попытался сесть на кровать, но не смог этого сделать

— Лежи, лежи, — сказал тренер, — я же тебя предупреждал. Нельзя жить одной гимнастикой. Но ничего, я позвонил ребятам на Кавказ, поедешь в Грузию, там есть такое местечко, Леселидзе называется, там такие грязи, что мёртвого на ноги поставят.

— А тренировки? — с надеждой спросил Крыж.

— Тренироваться ты уже не сможешь... ну, разве только для поддержания формы. Но ты не переживай, я тебя возьму к себе помощником. Пойдешь?

— Нет.

— Почему?

— Хочу девчонок тренировать.

— Ну, может, так оно и правильной.

* * *

— Итак, — сказал следователь, вызвав его в камеру для допросов на следующий день, — мы закончили на том, что вы начали тренировать девчонок?

— Нет, — ответил Крыж, — мы закончили на втором обстоятельстве, которое произошло со мной, но ничего мне не дало, в отличие от первого.

— Да? Ну и память.

— Память подследственного оттого лучше памяти следователя, что для него любое обстоятельство более значимо и может оказать влияние на его судьбу. У него одно дело, и это дело кровно его касается. У следователя же их много, это его работа, рутина, если хотите знать.

— Господи, а эти выводы откуда у вас. Вас просветили в изоляторе?

— Нет, я как система самообучающаяся сделал эти выводы сам, наблюдая за вами. В частности, за вашим вчерашним возмущением тем, что вас послали на происшествие, тогда как очередь туда ехать была не ваша.

— У нас нет очереди, — сказал Игнатъев, — у нас есть график дежурств. Но вчера дежурил начинающий следователь, и начслед решил, что осмотр происшествия по данному делу должен сделать я. Ничего не попишешь... издержки профессии. Но вернёмся к вашим проблемам. Итак, вы начали тренировать девчонок.

— Да.

— Хотя и понимали, что многие ваши ученицы ходят в зал только для того, чтобы обаять вас.

— Это не является парадоксом: многие педагоги сталкиваются с этим феноменом.

— Чем-чем?

— Феноменом.

— Иван Фёдорович, вы меня поражаете, вы тренер или психолог?

— Хороший тренер всегда психолог.

— Кстати, весь город только и говорит о вашем аресте. Возможно, я был не прав, но ваша жена сегодня записалась на приём в горком партии.

- Зачем она это сделала?
- Наверное, чтобы сказать, что вы не могли совершить данного преступления. Жёны на первых порах следствия совершают необдуманные поступки.
- А вы-то откуда об этом знаете?
- О поступках или о том, что ваша жена записалась на приём ко второму секретарю горкома?
- И о том, и о другом.
- О первом я знаю из своего следственного опыта. А о втором... Работа у меня такая: всё знать.
- Да, странная работа.
- Ничуть не более странная, чем у вас.

* * *

В большом кабинете второго секретаря горкома партии тихо тикают настенные часы. Огромный бронзовый маятник неспешно качается из стороны в сторону, отмеряя секунды брэнного времени.

За полированным столом, на котором нет ни одной бумаги, сидит хозяин кабинета, за приставным столиком такого же цвета и полировки — Владилена.

Беседа идёт уже полчаса. Хотя беседой её назвать трудно. Говорил только хозяин кабинета. Даже когда Владилена вошла в кабинет и пыталась представиться, он остановил её, сказав, что знает, кто она и зачем пришла на приём, поскольку об этом есть запись в книге приёмов. Потом он начал говорить. Говорил он мягко и не спеша, около пятнадцати минут. И у Владилены временами складывалось впечатление, что это он пришёл к ней на приём и излагает ситуацию, в которую попал Крыж, а она должна выслушать его и принять решение. Точнее, один из вариантов решения, который предложит ей визави.

— Дело получило огласку, — сказал в заключение хозяин кабинета, — как модно говорить сегодня, большой общественный резонанс. Мы не могли иначе на это отреагировать. И если вас интересует наша позиция, то мы за то, чтобы очистить и спорт, и наш город от подобных типов. К вам у нас нет претензий, живите и работайте.

— Но в тюрьме содержится невинный человек, — попробовала возразить Владилена.

— Кто вам так сказал? Разве можно арестовать невинного человека? Прокуратура дала санкцию на арест, значит, она проверила представленные доказательства его вины. Впрочем, вам не о чем беспокоиться. Следствие для того и проводится, чтобы разобраться и установить наличие или отсутствие вины.

— А нельзя было провести следствие, не арестовывая его?

— Наверное, нельзя.

— Ну, он не такой страшный преступник, чтобы его сразу посадить в тюрьму.

— Страшный, не страшный, — сказал хозяин кабинета, — не об этом сейчас речь.

— А о чём же?

— О том, что в данном случае доказательств, как говорят следователи, выше крыши.

— А что делать мне?

— Вот это уже конкретный разговор о конкретном предмете. А то все мы в первую очередь беспокоимся о соседе, а потом уже о себе. Ещё раз повторю: вам не о чем беспокоиться. У нас ни сын за отца не отвечает, ни жена за мужа, тем более за такого рода преступления. Ещё раз говорю вам: спокойно живите и работайте.

Владилена ушла. Секретарь подождал, пока за ней закроются двери, и набрал номер телефона.

— Была жена Крыжа, — сказал он в трубку...

Очередной день в тюрьме Крыж, как обычно, начал с зарядки и обливания. Затем стал ждать вызова на допрос. Но его не последовало. Не вызвали его и после обеда. Вечером он снова вспомнил слова Игнатьева, которые он произнёс в первый день их знакомства-ареста, о том, что на многие дни будет его самым близким человеком. Тогда он счёл это за ёрничанье или издевательство, которым следователь садистски пытается вывести подследственного из душевного равновесия, но теперь он был полностью согласен с ним. Встретившись со следователем на следующий день, Крыж улыбнулся ему совершенно искренне. А на вопрос: “Как провели ночь, Иван Фёдорович?” — ответил: “Как в тюрьме”.

— Хороший ответ. Присаживайтесь. Продолжим нашу работу, — сказал следователь.

— Продолжим, — ответил Крыж, — но сначала ответьте мне на вопрос: зачем вы это делаете?

— Что... “это”?

— Обвиняете меня в преступлении, которое я не совершал, причём делаете это последовательно и с всё нарастающей интенсивностью.

— Иван Фёдорович, вы, что спортсмены, что тренеры, живёте какими-то иллюзиями. Я ведь не по собственному желанию возбудил это уголовное дело. Я сделал это на основе доказательств того, что вы совершили. Вот показания вашей вахтёрши о том, что вы задерживались в спортивном зале со своими ученицами после тренировок. Что вы можете на это сказать?

— У вахтёрши странное понимание тренировок. Это только в младших классах спортивной школы девочки ходят на тренировки по два часа три раза в неделю. А потом они тренируются ежедневно. А если уж они хотят стать олимпийскими чемпионками, то они должны работать по семь-восемь часов в день без выходных.

— Да? А вам не кажется странным, что из ваших учениц только одна может стать чемпионом, а все остальные — нет.

— В этом специфика спорта. И это никого не удивляет. Место чемпиона всегда... только одно.

— Вот и я об этом. Те нагрузки, которые вы, тренеры, взваливаете на плечи маленьких девочек, деформируют их, и в результате к совершеннолетию многие из них не становятся чемпионками, а становятся инвалидами. А если не инвалидами, то женщинами, которые не могут иметь детей. Они не могут стать матерями физиологически. Но и не это самое страшное.

— Что может быть страшнее этого?

— Страшнее этого бывает то, чего вы, спортсмены, не понимаете. Ведь кроме гимнастики они ничего не знают и не умеют. У них задерживается социализация, и не каждая способна потом наверстать то, что было упущено ею в школьном возрасте. И, таким образом, на одну чемпионку десятки поломанных судеб. Вы затащили их в спорт, заставили тренироваться до умопомрачения, а потом оказалось, что они никому не нужны. Вместо подготовки их к будущей взрослой жизни вы осуществляете антиподготовку.

— Частично я с вами согласен. Выход из этой ситуации есть. Дело в том, что давно уже надо отделить спорт оздоровительный от большого спорта. И тогда многое станет на свои места. Но, отвечая на ваш вопрос, я скажу, что человека в спорте нельзя заставить делать то, чего он не хочет. Они приходят в спорт с желанием всё время ощущать вкус победы. И я помогаю им в этом.

— Что такое “вкус победы”? Это медали, кубки или денежные призы и премии?

— Да, но не это главное. Вкус победы — это то, чего нельзя передать словами. И однажды познав его, вы уже не сможете не желать попробовать ещё раз.

— С этим можно согласиться. Если бы не одно “но”. Сначала вы макаете их, как котят, в блюдечко с молоком по имени “вкус победы”, а потом говорите, что они сами хотят этого молочка.

— Не я создал спорт и гимнастику. Не я призываю тренеров работать на благо страны и на медали для страны. Так в чём моя вина?

— Да, действительно, ваша вина совершенно в другом. Вот ещё одно доказательство вашей вины, — произнёс следователь и протянул Крыжу листок из папки.

* * *

Уже ставший привычным тюремный коридор. Команда: “К стене”. Звук отпираемого замка камеры. Новая команда и опять звук поворачиваемого в замочной скважине ключа.

Крыж сел на табурет и обхватил голову руками. Ему ещё никогда никто не говорил, что он калечит людей. В спорте, где он “варился” всю жизнь, да и вокруг спорта все говорили, что это дело благородное, что спорт — это здоровье. О спорт, ты — мир! В смысле — всё. Хотя спорт — это, прежде всего, сверхнагрузки. А любые сверхнагрузки способны выдержать единицы, те же, кто не способен этого сделать и пытаются угнаться за этими единицами, — ломаются. И ни о каком здоровье речи быть не может.

Щёлкнула кормушка:

— Пайка, — произнёс баландер.

После обеда Крыж почему-то затосковал. Ему захотелось вдруг увидеть что-то непохожее на камеру. Он попытался в окно увидеть небо, но железный короб, который называют “намордником”, мешал ему сделать это. Крыж походил по камере и вернулся к воспоминаниям.

Четыре года назад он вместе с Сафроненко отбирал девочек в школу гимнастики.

После долгой работы перед ним стояли две девочки, с косичками, в гимнастических трико, или, как модно говорить сейчас, в гимнастических купальниках. Девочки были из разных школ города. Но сам процесс отбора уже познакомил их и сделал подругами-соперницами.

Крыж знал, что одну из них зовут Лена Морбут, а вторую — Света Калашевич.

Лена старательно делает “колесо”, а Света — стойку на руках.

— Молодцы, — сказал им Крыж, — у вас впереди большое будущее, но для этого нужно много работать. Я беру вас обеих в школу, пока отдыхайте.

— Что ты делаешь? — сказал ему Сафроненко, когда девчонки ушли. — Ты обещаешь им то, чего они никогда не достигнут. Ты же это понимаешь?

— Всё в руках Божьих, — ответил Крыж.

Прошло четыре года. Девочки стали мастерами спорта. Они шли вперёд, как говорят, ноздря в ноздю. И их считали равными, но Крыж понимал, что большое будущее только у одной — Светланы Калашевич. Кроме близких к идеальным гимнастическим данным, природа наделила её способностью понимать всё, что ей приходилось делать. И на каком-то этапе спортивного совершенства это должно было сработать, и она должна будет качественно оторваться от своей подруги-соперницы.

Должна, если бы таких, как она, не подстерегали опасности, к спорту не относящиеся. Хорошо, если те, кто мог увидеть в ней новую звезду гимнастики, были из её, как принято сейчас говорить, команды. А если это были её конкуренты? Причём неважно, спортсмены это или тренеры.

Поразительнее всего было, однако, то, что сама Света не понимала своего преимущества. Она была золушкой, к которой вот-вот должны были прислать золотую карету. Но каким-то необъяснимым женским чутьём это понимала Лена. И первое, что она стала делать слепо, — один к одному копировать Свету.

Света делает сложный соскок с брусьев. И Лена просит Крыжа отработать такой же соскок с ней. И сколько Крыж ни говорил, что у каждой из них своя дорога, что в гимнастике важна индивидуальность, именно она делает комбинации оригинальными, Лена не сдавалась.

Однажды к нему подсел Сафроненко. Оба какое-то время смотрели на тренировку Лены и Светы, пока Сафроненко не сказал:

— Они воюют за тебя, и ты не погасишь эту войну?

— Они соревнуются за первенство в гимнастике.

— Но это для них становится не главным.

— Почему вчера это было главным, а сегодня это не главное?

— Потому что они взрослеют и начинают иначе относиться к жизни и к тебе.

— Если это стимулирует их желание тренироваться, то почему я должен его гасить?

— Но они совершенно разные по физическим данным, и то, что может Света, не сможет Лена. Она сломается. А наша с тобой задача — не дать ей сломаться.

— Наша с тобой задача — научить их выигрывать у других.

— Как знаешь, — произнёс Сафроненко и ушёл.

— Леночка, — сказал Крыж тогда, — подойди ко мне, присядь, пожалуйста. То, что ты пытаешься догнать Свету, это хорошо, но не равняйся на неё. У тебя должен быть свой путь и свой почерк. И свой соскок, коронный соскок, которым ты ставишь точку в комбинации на брусьях. Ты хочешь иметь такой соскок?

— Да, я хочу сделать такой соскок.

— Правильно, такой соскок тебе необходим.

— Этот соскок назовут моим именем, как когда-то у Корбут.

— Прекрасно, давай потихоньку будем искать твой индивидуальный соскок и условно назовём его Петлёй Морбут.

* * *

Крыж поднялся с табурета и стал разминаться. Но в замочную скважину вставили ключ, и до того, как он повернулся, Иван уже был возле дверей камеры.

— К вам посетитель, — непривычно вежливо сказал контролёр.

Он наметанным глазом окинул камеру, как бы оценивая, нет ли в ней того, что может причинить посетителю вред, и сделал шаг назад. А вместо него сначала появился в проеме дверей, а потом и вошёл в камеру тот, кого в городе почтительно называли Вторым. Именно он курировал в горьком партии профсоюзы и спорт.

— Здравствуйте, Иван Фёдорович, — сказал он, — как вас тут разместили?

— По высшему классу, — ответил Крыж.

— Не надо ёрничать, Иван Фёдорович, это всё, что мы на данный момент смогли сделать для вас.

— Посадить меня в тюрьму?

— Спрятать вас от гнева родителей ваших учениц, да и от тех, кто тут содержится. Мы не заинтересованы в раздувании этого инцидента, но мы не можем пройти мимо тех сигналов, которые к нам поступают. Впрочем, — Второй внимательно оглядел стены, и особенно углы камеры, словно там могли быть спрятаны глазки видео- и аудионаблюдения, и продолжил: — Следствие для того и проводится, чтобы разобраться в виновности или невиновности человека.

— Так это ваша инициатива поместить меня сюда?

— Нет, Иван Фёдорович, это ваши педагогические, а точнее антипедагогические эксперименты привели вас сюда. Лично я был против следствия, но что я могу поделать... Представьте себе картину: к нам поступает заявление родителей потерпевшей, а мы закрываем на это глаза. В общем, я был против, но и меня поймите. Я хоть сейчас готов поспособствовать вам выбраться отсюда.

— Что для этого нужно?

— Для начала встретиться с родителями Лены Морбут.

— Не вижу смысла в этом.

— Вот вы опять всё хотите перекроить по-своему, Иван Фёдорович, это не спортивная школа, где вы царь, бог и воинский начальник. Дело возбуждено по их заявлению, с них и нужно начать.

— Как знаете.

— А вот здесь вы абсолютно правы, мы действительно всё знаем...

* * *

— Сестра, сестра, — раздаётся голос из палаты, двери которой открыты, — у нас тут новенький хочет двойную порцию получить.

— Хочет, значит, получит, — сказала Владилена, проходя с пустым шприцем мимо дверей.

— Шутят? — спросила её Валентина.

Она сидела на посту и делала раскладку лекарств для больных.

Владилена присела рядом.

— Шутят, а что им остаётся делать, убогим, только шутить.

— Как он там? — спросила напарница.

— Не знаю, говорят, сидит пока отдельно от других.

— Ты бы ему посылку какую-нибудь соорудила.

— Говорят, до суда — никаких посылок.

— Ты послушай, что мой-то по этому поводу говорит: если бы его не арестовали, то была бы какая-то надежда. А так там уже всё решено. Значит, доказательств его преступления много.

— И зачем ты это мне говоришь?

— Тебе надо что-то делать.

— А что бы на моём месте делала ты?

— Не знаю, но тебе надо что-то делать. Вдруг его посадят, и что тебе остаётся? Передачи ему в зону возить? А вдруг его расстреляют, щас за малолеток строго...

— И что ты предлагаешь?

— Развестись, пока не поздно, а то и тебя затравят...

— И как, ты представляешь, нас могут развести?

— Очень просто, для тех, кто сидит в тюрьме, существует упрощённый порядок развода. Супруг на свободе подаёт заявление, и их разводят.

— Так просто?

— А чё тут усложнять. Ты не жена декабриста, к нему в зону не поедешь...

* * *

Снова звук поворачиваемого в скважине ключа, и снова контролёр в проёме дверей, но на этот раз он говорит не так вежливо и почтительно.

— Крыж, к вам посетитель... с разрешения начальника изолятора.

На пороге камеры женщина. Крыж видел её несколько раз и много раз слышал о ней от Елены Морбут.

— Здравствуйте, Иван Фёдорович, — произнесла посетительница.

— Здравствуйте, — ответил Крыж.

Женщина оглядывает камеру, присаживается на противоположные нары и говорит:

— Что же вы, Иван Фёдорович, натворили? Ославили нас на весь город. Леночка с собой покончить пыталась. А она так хорошо к вам относилась. Она вас прямо боготворила. Стихи писала про вас. Что нам теперь делать?

— Вы меня об этом спрашиваете?

— А кого же я буду спрашивать?

— Наверное, себя.

— Да нет уж. Я вас хочу спросить. Вы понимаете, что здесь ей теперь не жить. Да и нам уезжать надо.

- А чем я могу вам помочь?
- Вот это мужской разговор.
- И всё же?
- Очень многим. Вот муж набросал примерные расходы по переезду в другой город.
- Составил смету?
- Да, если хотите...
- А я-то чем могу вам помочь? Не понимаю.
- Иван Фёдорович, не валяйте дурака, всё вы понимаете. Вы нам оплачиваете отъезд и обустройство на новом месте, а мы забираем своё заявление. Держите смету...
- Да, — произнёс Крыж, просмотрев столбики цифр, — у вас аппетиты.
- А что вы хотели, сейчас всё дорого... А вы человек состоятельный, много получаете... Каков ваш ответ?
- Нет.
- Как знаете. Но хочу вас предупредить: если вы не сделаете это быстро, то такие же претензии вам могут предъявить многие родители. Мы уже ведём с ними переговоры. Так как?
- Нет.
- До свидания.
- Прощайте.

* * *

Шли дни, которые отличались друг от друга только тем, вызывал ли его Игнатъев на допрос или нет. Первую неделю он ждал, что вот-вот всё разрешится, ему принесут извинения и он выйдет за ворота тюрьмы. Но чем больше следователь предъявлял ему доказательств из своего затрепанного портфеля, тем меньше было на это надежды.

Удивительней всего было то, что у него, человека, который лучше других знал, что он чист перед законом, стали возникать сомнения в этом.

К концу первого месяца пребывания в изоляторе он уже смирился с тем, что может произойти. И на него навалилось равнодушие. Он, как заводная кукла, ходил на допросы, получал пайку у баландера, убирал камеру, ходил на прогулки.

Он словно заснул, и этот сон спасал его от осознания жестокой реальности.

Но однажды, когда контролёр вёл его на прогулку, Иван услышал сквозь двери общей камеры жизнерадостный хохот. И столько в нём было оптимизма и бесшабашности, что, вернувшись к себе, он стал воспроизводить этот хохот мысленно. Ему казалось странным, что в тюрьме можно вот так смеяться.

И вдруг в голову ему пришла мысль о том, что не обстановка и окружение порождает тот или иной настрой. Ведь он сам учил гимнасток создавать этот настрой внутри себя, чтобы потом изменить обстановку вокруг себя и отношение к себе.

Потом он вспомнил картину художника, имени которого не знал. Она называлась "Всюду жизнь". На ней арестанты вагон-зака смотрели на голубей, которые ждали от них крошек. И первое, и второе перевернуло его, заставило очнуться от того сна, в который погрузило его пребывание в тюрьме, наверное, для того, чтобы он не сломался до времени. И он, как спортсмен после сокрушительного поражения, вдруг почувствовал необходимость реванша.

И в этот момент он совершенно ясно осознал, что те доказательства, которые были в портфеле у Игнатъева, готовились тщательно и давно. Причём готовил их не Игнатъев. Это был человек близкий не только к спорту, но и к нему, Крыжу.

Этим человеком не мог быть следователь. Ему уже предоставили всё необходимое. Это должен быть близкий к Крыжу человек. Владилена? Но по-

чему? Возможно, кто-то сыграл на её чувстве ревности? Но она далека от спорта. Сафроненко?..

Крыж ходил по камере, вспоминая детали разговоров с тренерами, городским руководством, ученицами.

Вот в зале Лена Морбут отрабатывает соскок.

— Молодец! — говорит он ей. — Ищи себя, нащупывай то, что сможешь сделать только ты. В комбинации важно всё, но главное — это заключительный элемент. Я научу тебя зависать в самом конце соскока. Это будет очень эффектно. Если ты его выполнишь и при этом чётко приземлишься, не переступишь и тем более не упадёшь, — комбинация удалась.

— Я превзойду Корбут, — говорит Лена, — я сделаю свою петлю.

— Корбут — это прошлое, чтобы быть первой, тебе нужно превзойти Свету, а потом ещё одного человека.

— Кого же?

— Себя, прежде всего себя.

* * *

В этот день он шёл по коридору к следователю, движимый огромным желанием начать всё сначала. Он ждал ответного порыва со стороны Игнатьева, ведь он призывал его к сотрудничеству, ведь он говорил...

Но следователь сразу же остудил его.

— Итак, Иван Фёдорович, — сказал он, — у нас кончаются сроки. Всё, о чём я вам говорил, свершается. Вот заявление вашей жены, которая просит развести её с вами. Её можно понять. Она остаётся ни с чем. Вот копия коллективного письма ваших коллег к руководству города с изложением причин, по которым они хотят отмежеваться от вас, ваших методов работы и продолжить честно тренировать ваших воспитанниц. И их тоже можно понять: им нужно жить и работать в городе.

— Я их понимаю.

— Вот и прекрасно. Вы и меня должны понять. Я устал оберегать вас. Администрация тюрьмы задаёт вопрос, почему вы, как в гостинице, в отдельном номере? Что я им скажу на это?

— И что же я должен сделать, чтобы помочь вам? Признать себя виновным?

— Ну что вы! Мне не нужно ваше признание. Доказательств вашей вины выше крыши, и любой суд согласится с этим.

— Так передавайте дело в суд.

— Есть у меня ряд сомнений по отдельным эпизодам. А раз есть сомнения — их нужно исключить.

— Исключайте.

— Для этого мне нужна ваша помощь.

— И чем же я вам могу помочь?

— Иван Фёдорович, вы хороший тренер?

— Полагаю, да.

— Так вот, и я хороший следователь. Но об этом мы поговорим позже. Вот санкция прокурора на обыск в вашей квартире.

— И что вы пытаетесь там найти, мою переписку с учениками или мои стихи?

— Первое, первое, — говорит следователь, — стихи не наш профиль.

* * *

— Вас не интересует то, что мы нашли у вас в квартире? — спросил Игнатьев Крыжа, когда того привели в камеру для допросов.

— В моей квартире нет ничего интересного для следствия. Я даже заначки дома не держу.

— О вашей заначке на работе нам уже известно.

— И вам не нужно было санкции, чтобы...

— Нет, речь шла о вашем шкафчике в тренерской, и для этого не нужно было санкции.

— И как вы поступили с записочкой?

— Отдали её на хранение Сафроненко.

— Пропьёт...

— Больше никому! Он сейчас исполняет ваши обязанности. Но вернёмся к обыску в вашей квартире.

— Вы нашли что-то неординарное?

— В определённой степени, да. Как говорит наш начальник следотдела: ещё одно доказательство вашей вины. Он с карандашом просидел весь день, делая выборки, которые, на его взгляд, характеризуют вас как сексуального маньяка.

— Это такая шутка?

— Ну что вы, начмед и шуток не любит, и ошибок не прощает.

Крыж усмехнулся.

— И что вы намерены делать с этими выборками? — спросил он. — Приобщить их к делу?

— Я, несмотря на свою процессуальную самостоятельность, человек подначальный, и если руководство приказывает, чтобы я провёл по ним судебно-психиатрическую экспертизу, я это сделаю. Точнее, я уже сделал это. И в ближайшее время вам придется поговорить с психиатром.

— Всё развлечение, — сказал Крыж.

— Иван Фёдорович, у старых каторжан было такое изречение: “Вы можете сидеть в тюрьме”. Это было чем-то вроде высшей похвалы. Так вот, я удивляюсь вам.

— Не удивляйтесь. Я бывший спортсмен, и у меня большие адаптационные способности. Вы сказали, что ваше руководство считает меня маньяком, а вы?

— А я считаю, что много лет назад вы занялись не своим делом.

— И чем же, на ваш взгляд, я должен был заняться?

— Только не спортом.

— Почему?

— Вы — поэт.

— Одно другому не мешает.

— Не могу с вами согласиться. Дело в том, что ваша работа и поэзия настолько глобальные направления человеческой деятельности, что ими нельзя заниматься одновременно. Знаете старый анекдот. Если водитель одновременно ведёт машину и обнимает свою спутницу, то и первое, и второе он делает плохо. Нужно делать что-то одно.

— Позволю себе с вами не согласиться.

— Ваше право.

* * *

Игнатьев позвонил психиатру.

— Получил материалы дела и постановление? — спросил он.

— Получил, — ответил тот, — опросил окружение и пишу заключение.

— А с Крыжом не беседовал?

— Нет.

— Так как же ты пишешь заключение? И к чему такая спешка, обычно от вас месяц ждать приходится.

— Клиент не тот, чтобы ждать долго. Да и попросили нас мягко — не тянуть.

— Ну, тогда и не тяни. И не отправляй всё это дело почтой, пришли нарочным.

— Разбежался, — ответил психиатр, — нарочным, где я его тебе возьму. Приходи завтра и забирай и материалы и заключение.

— А с подследственным ты что, встречаться не будешь?

— Нет необходимости, по тем вопросам, которые ты ему задавал, можно судить о его психическом состоянии.

— А дневники и стихи?

— И по ним тоже.

— И каков в принципе будет твой ответ?

— Таков, как и твой. Он вменяем и психически здоров.

— А стихи?

— Знаешь, недавно проводил судебно-психиатрическую экспертизу одному военнотружашему, срочнику. И его замполит на традиционный вопрос: “Не замечались ли странности в поведении военнотружашего” — ответил: “Замечались, он много читает”.

* * *

Получив заключение о психической вменяемости Крыжа, следователь не стал сразу докладывать начальству о получении результатов экспертизы, а снова пробежался по дневнику поделедственного.

— Знаете, — сказал он Крыжу, когда того привели на допрос, — если я внутренне не согласен со своим начальством в отношении направленности и содержания ваших стихов, то ваш дневник, в том числе со стихотворными отступлениями, поверг меня в уныние. Смотрите сами.

*Тренировал я и ребят,
И девушек в свой час —
И женской дурью всех подряд
Был удивлён не раз!
Их безалаберность и лень
Бросается в глаза:
Сравнить с парнями — ночь и день!
Такие чудеса...*

— Зачем же вы взялись тренировать девушек, если в них столько дури и лени?

— Я не знаю ответа на этот вопрос.

— И всё-таки. Пусть вы не можете ответить на этот вопрос относительно “почему”, то ответьте на вопрос о дури и лени. Зачем же вам тратить столько сил на преодоление дури и лени девочек?

— Мы говорим о дури и лени с позиций мужской логики, а женщины видят в этом некие качества, которые они сами ценят. И ценят высоко. У них своя система ценностей.

— Хорошо, пусть будет так. А вот начслед иначе ответил на мой вопрос, почему вы взялись тренировать девочек.

— Мне бы его проблемы.

— Ну, зачем вам ещё и его проблемы. Поверьте, их у него не меньше, чем у вас.

— И как он узнал это?

— Как? Прочитав ваш дневник. Послушайте выдержку из него:

“В работе с девушками каждый тренер-мужчина изобретает свой “педагогический велосипед”, используя мужские понятия. Он узнаёт странные проявления женской психики и дальше действует в меру своей культурности и испорченности, исходя из того, что ему предоставляется большой выбор любовниц”.

— Каково? И вы полагаете, что суд пройдёт мимо такого вывода подсудимого?

— Почему вы задаёте этот вопрос мне?

— А кому я его должен задать?

— Суду.

— Да, Иван Фёдорович, вас определённо испортила тюрьма, несмотря на то, что вы сидите в отдельной камере.

- Сергей Александрович, не я закрылся в камере месяц назад.
- О, Господи, вы уже и сленгом тюремным овладели.
- Извините, вырвалось.
- Да я не в претензии. Но продолжим:

“Кое-кто начинает воображать себя персидским шахом, а подопечных своим гаремом, так как все они влюбляются в него и ведут постоянную борьбу за обладание им. Это происходит потому, что все девушки должны кого-то любить согласно своей природе, а кроме тренера, с которым они проводят многие часы ежедневно, ни к кому доступа нет. К тому же у них восприятие понятий уважения и любви абсолютно одинаковы. Ни одна из них не тренируется для себя, все они делают это для тренера, даже если тренер — женщина.

И здесь таится большая опасность: стоит тренеру избрать себе хотя бы одну из них, как все остальные тут же перестают трудиться, считая себя оскорбленными. Но самое главное — перестает трудиться и его избранница, считая свою цель достигнутой. Ревнивая группа распадётся, а прима гаснет в радости и лени...” — Как вам сие?

— Никак, — ответил Крыж.

— Знаете, это откровения не тренера, а маньяка.

— Это дневник педагога, который ищет пути воздействия на учениц для того, чтобы сделать их чемпионами. И в данном случае дневник не предназначен для публикаций и критики. Пока во всяком случае.

— А что, может прийти время, когда его можно будет опубликовать?

— Может прийти время, когда гимнастика зайдёт в тупик. И тогда методы тренеров, которых сейчас можно называть новаторами, будут востребованы.

— В том числе и ваш метод?

— В том числе и мой. Потому что я не единственный, кто исследует женскую природу и использует её особенности для воспитания чемпионок.

— Странные пути воздействия, странные. А может быть, я идеализирую спорт? Может, спорт — это всё как у вас в стихах.

Следователь взял в руки второй лист и прочитал:

*— Что спорт? Пристанище глупцов,
Раздолье для блатных,
Авантюристов, наглецов
И слуг покорных их.
В нём чести нет, здоровья нет —
Есть лишь вражда людей,
Что оказались с детских лет
В когтях его сетей.*

Прочитав это, Игнатьев некоторое время молчал, а потом произнёс:

— Знаете, что сказал мой начслед на всё это?

— Откуда я могу это знать?

— Верно, откуда, а он сказал почти гениальную фразу: “Всё это достоинство какая-то от спорта”. Поздравляю, я увидел у вас родственность с Буниным, а он — с Достоевским. Вы неплохо котируетесь. Если бы не ещё одно “но”. Это тоже ваше?

*Меня Япония смутила
Культурой, блеском, красотой!
О прежнем мире изменила
Предвзятый взгляд убогий мой.*

*Как мы глупы! Как мы отстали
От человечества всего!
Себя до нитки обобрали,
О том не зная ничего.*

*Когда же это прекратится?
Когда обманутый народ
Сумеет к истине пробиться
И свергнуть тех, кто их гнетёт?*

— Это тоже ваше?

— Моё.

— Прочитав это, я порадовался, что данное содержание не относится к моей компетенции. И мне хочется дать вам ещё один шанс. Возьмите несколько листов бумаги, и пока вы один в камере, объясните мне всё это, во-первых, и, во-вторых, попытайтесь прояснить отдельные моменты ваших отношений с коллегами, да и с женой тоже. Я вам дам ручку, но не показывайте её контролёрам. В тюрьме можно писать только карандашом. Поскольку паста шариковых ручек используется в качестве туши для наколок.

* * *

В камере Крыж сел на табурет, завернул тюфяк с топчана так, чтобы сам топчан можно было использовать как стол, и стал писать. Но это не были пояснения эпизодов уголовного дела, о которых просил его следователь.

Уже месяц он не писал стихов, и они словно накопились в голове и просились на бумагу. Впрочем, он полагал, что стихи накапливаются не в голове, а в сердце, а может быть, и в душе.

Написав несколько четверостиший, он начал их вполголоса читать.

*Я видел, что такое слава.
Я был вполне причастен к ней,
Когда толпа с трибун, как лава,
Рванулась к баловне моей...*

Крыж поднялся с табурета и, держа лист со стихами перед собой, стал ходить по камере, читая их нараспев.

*Однажды нам в стране далёкой
Пришлось проездом выступать.
Тиран там властвовал жестокий,
Что ненавидел нашу власть.*

*Желяя русским униженья,
Встречать нас молча приказал.
И вот во время выступленья —
Молчит, как гроб, громадный зал...*

*Когда ж от зала отъезжали,
То, изумив навек меня,
Все на колени молча встали,
С почтеньем головы склоня.*

*И мыслил я, внимая чувству,
Дыханье сжавшее во мне,
Что здесь не только дань искусству,
А слава всей моей стране!*

* * *

Сафроненко зашёл в тренерскую, закрыл за собой дверь на ключ и набрал знакомый номер.

— Здравствуйте, — сказал он почтительно, — это... меня вызывают к следователю.

— Вызывают, так иди, — бесцеремонно ответил ему голос Второго.

— Меня вызывают на допрос!

— Конечно, на допрос, не на чай же... Так что и не придуривайся, не строй из себя обиженного и оскорблённого!.. Коробит его. Это у них форма беседы такая. Разумеется, есть допросы свидетелей, а есть допросы обвиняемых. Ты какой предпочитаешь?

— Да я вообще бы с ними не...

— Вообще не получится, иди и не ной. Так-то, племяш. Любишь кататься... на других, саночки к ним привязывать научись.

Сафроненко явился в горотдел к назначенному часу. Но следователя в кабинете не было. Он спросил у его соседа по кабинету: “Где Игнатъев?” Тот весело ответил:

— В тюрьме. Где ему ещё быть.

— Ну и шуточки у вас, — попробовал улыбнуться Сафроненко.

— Какие уж тут шуточки, — сказал коллега Игнатъева, — у нас всё совершенно серьёзно, мы большую часть своего времени там и проводим. К пенсии лет десять набирается, как за неквалифицированное убийство.

Термин “неквалифицированное убийство” покорило Сафроненко так же, как ранее его коробило слово “допрос”. Но он не подал виду и с видом примерного школьника, который пришёл к учителю, но не застал его, спросил:

— А что мне делать?

— Ждать, — ответил коллега Игнатъева.

Игнатъев появился через час. Был он мрачен, и Сафроненко это окончательно убило.

В кабинете Игнатъев посмотрел паспорт Сафроненко, заполнил шапку протокола допроса свидетеля, предупредил тренера об ответственности за дачу заведомо ложных показаний, а затем спросил:

— Как вы оцените высказывания вашего коллеги Крыжа?

— Какие? — осторожно поинтересовался Сафроненко. — О жизни в СССР?

Следователь с любопытством взглянул на него, а потом достал из папки лист бумаги и зачитал:

“...Тренер полагает, что если он будет много работать, старательно выполнять все инструкции, спущенные сверху, занимать первые места, то у него со временем появятся олимпийские чемпионы. Большое заблуждение: не появятся. Чемпионы не мыши, от большого количества работы не заводятся”.

— Нормально, — сказал Сафроненко и облегчённо вздохнул, что не прошло незамеченным для следователя. — Нам не понять таких людей, как Крыж, они нацелены на результат. И они его получают любой ценой.

— Так почему же Крыж говорит, что много работать, — значит не достигнуть результата?

— Крыж полагает, что очень много работающий перестает думать. У него есть даже такая поговорка: усталость лишает вдохновения. Кроме всего прочего он считает, что инструкции спортивных федераций рассчитаны на подготовку посредственностей и на уничтожение возможных шедевров.

— “Шедевров” — это спортивный термин?

— Это термин Крыжа, который к “шедеврам” относит некоторых спортсменов, а также тренеров.

— А как же слава страны, олимпийские чемпионы? Разве спортивные федерации в них не заинтересованы?

— Поскольку следствие идёт по делу Крыжа, я вам отвечу словами Крыжа. Они у меня даже на бумаге записаны. “Как ни парадоксально, но ни коллеги-тренеры, ни федерации не испытывают восторга от мировых успехов своих коллег. Скорее всего, наоборот. Положительно к ним относятся лишь земляки-патриоты и правительство. В спорте жесточайшая конкуренция не только между спортсменами, но и между тренерами”.

— Ничего не пойму, это какой-то перевернутый мир. С одной стороны, эти структуры ищут таланты, растят их, а с другой — вы говорите, что они не заинтересованы в них.

— Поясно на примере, — сказал Сафроненко. — Много лет назад одна из учениц Крыжа на разминке в Праге поразила всех своими новинками. В ту же ночь тренерский совет принял решение снять её с соревнований. Это предложение внёс главный тренер, потому что понимал: его воспитанница не выдержит конкуренции с воспитанницей Крыжа. С позиции нормальных людей, которые видят в спорте только подготовку чемпионов, — это абсурд. Но с позиции тех, кто кормится и живёт спортом, — это норма.

— Понятно. И всё же вернёмся к Крыжу. Что значит “любой ценой”?

— То и значит. Каждый тренер имеет свои способы заставить своих учениц работать на сверхрезультат. Они различны. Крыж пользовался тем, что играл роль кумира, создал некий идеал для своих учениц. И они тянулись из последних силёнок, чтобы ему понравиться. В этом их женская сущность. Я не вижу во всём этом ничего плохого и криминального. Может быть, он просто заигрался и перешёл ту грань, которую ранее умел соблюдать? Если бы речь шла о взрослых женщинах, то на это никто бы и внимания не обратил.

— Скажите... Вам уже предложили занять место Крыжа?

— Это к делу Крыжа не относится, но если вы хотите знать, то — да. Гимнастика с осуждением Крыжа не прекратит своего существования.

— А если его не осудят?

— Его осудят.

— Откуда такая уверенность?

— Сейчас нет того человека, который мог бы ему помочь. Ранее он давал стране медали, а теперь, с травмой Калашевич и болезнью Морбут, у него нет учениц, способных делать это.

— А почему вы считаете, что обязательно должен быть человек, который может помочь? И если такого человека нет, то и подследственный обречён?

— Весь мой жизненный опыт подтверждает это.

— Ну, что ж, — сказал Игнатьев, — ваше право так думать.

* * *

То ли запас стихов в сердце Крыжа закончился, то ли мысль о том, что он всё же в тюрьме, а не в санатории, — привели к тому, что он перестал тратить бумагу не по назначению, а взялся анализировать свои отношения с коллегами и женой. Впрочем, жена отпала сразу. Оставались одни коллеги, а точнее, коллега.

Итак, то, что произошло с ним, в мире интриг называется “подставой”. И только близкий человек, хорошо знающий отношения в мире спорта, мог организовать эту подставу, и таким мог быть только один человек — Сафроненко...

Иван вспомнил тот злополучный день, когда к крыльцу спортивной школы подъехал автомобиль и молодой человек широким жестом пригласил в машину Лену и Свету. А через час ему сообщили, что машина перевернулась.

И перевернулась она на окраине города, тогда, когда в ней были только молодой человек и Света Калашевич. Водитель не пострадал, а вот Света травмировала позвоночник. А где же была Лена? Да, Лена вышла у первых девятиэтажек, где она жила с матерью и отчимом. А если это не случайность? Если кто-то специально рассчитал и маршрут, и горки на окраине города, и то, что Лена выйдет раньше, а Света останется на заднем сиденье и будет не пристёгнута...

Узнав о случившемся, Крыж сразу пошёл в больницу. Света была в сознании. Казалось, ничего страшного не случилось. Впрочем, именно так об этом сказал лечащий врач.

— Страшного ничего, но она должна носить корсет.

— Как долго?

— Постоянно. У неё сложный перелом позвоночника.

— Она не вернётся в спорт?

— Нет, сверхнагрузки ей противопоказаны.

В тот день он пожалел, что не научился пить. Так хотелось ему чем-то заглушить боль от этой потери.

* * *

Прошёл ещё один день, затем второй.

И он понял: у Игнатьева что-то не получается. А раз не получается, то его ждёт суд, приговор, колония, в которой ему придётся отстаивать себя. И чем это закончится?

Осознав всё это, он вспомнил народовольца Кибальчича, который в тюрьме в ожидании смертного приговора писал записки о принципах полёта человека в космос.

Если с ним что-либо случится в колонии, то его записки не должны пропасть. Следовательно должен приобщить их к уголовному делу и таким образом сохранить для потомства.

Он посчитал оставшиеся листы бумаги и взял в руки ручку.

“Так... прежде всего нужно составить некую концепцию “записок из Мёртвого дома”, — подумал он.

Но идея концепции не давалась ему. И тогда он написал что-то вроде эпитафии.

“Серьёзный спорт не имеет ничего общего с честной игрой. Серьёзный спорт — это война минус убийство. Джордж Оруэлл”.

Тут он вспомнил, как учил своих подопечных “летать”: делать перелёт на брусках, сальто на бревне, развороты в опорном прыжке. До них этого не делал никто. Впрочем, почему до них. До него. Это он создал сначала мысленные конструкции этих элементов, а потом они стали их артистично исполнять. Хотя здесь всё как в кинематографе: зритель видит только актёров, а режиссёры остаются за кадром.

— Дешёвые трюки, — говорили ему. — Гимнастика не шоу, это спорт.

Он внешне соглашался с этим, но шёл своей дорогой. Он много работал над “полетами” и, наконец, добился эффекта “замирания” спортсменки, некоей иллюзии “зависания” над снарядом.

“Пауза в речи и зависания в гимнастике играют одну и ту же роль, — говорил он своим ученицам, — речь становится более чёткой и понятной, а гимнастическая программа — более выразительной, эффектной”.

Разумеется, с ним были не согласны главные тренеры сборной и, как ни странно, судьи. Они всячески занижали оценки его ученицам. “Это спортивная гимнастика, а не художественная”, — говорили первые. “Это не цирк”, — подключались к ним вторые.

И только зрители ахали от этих “зависаний”, всегда выделяли его учениц в массе других гимнасток и готовы были разорвать судей за низкие оценки.

“Не только заслуженным нельзя доверять подготовку спортсменов. Но и просто бывшим спортсменам. Они подсознательно не терпят конкуренции. Они, даже уйдя из большого спорта, продолжают соперничать, и этого у них не вытравить ничем”...

“Человек социальное существо, и это существо соблюдает стадные или стайные правила игры. И если кто-то выпадает из этой стадности, ведёт себя не так, как все, выделяется своей индивидуальностью, его травят”.

Закончив эту мысль, он сделал небольшую паузу и продолжил:

“Заслуженным мастерам спорта нужно сразу давать приличные пенсии. Они вполне этого заслужили, потратив своё здоровье во славу Родины. Уходят же балерины на пенсию в 35, а лётчики в 40. И таким образом решатся две задачи: Родина достойно оценит их вклад в повышение её престижа, а заслуженные не будут мешать подготовке будущих олимпийских чемпионов”.

“Нужно больше внимания уделить мыслительным тренировкам, хотя многие тренеры считают их ахинеёй. Однако на востоке они известны давно и называются медитацией”...

“Нужно окончательно и бесповоротно отделить большой спорт от оздоровительного спорта, то есть физической культуры, ведь те нагрузки, которые могут выполнять немногие, распространяются на всех. Мы видим чемпионов и не видим, что все остальные, которые когда-то начинали вместе с ними, фактически травмированы спортом.

И ещё, сначала нужно научить спортсмена правильно бегать, а потом уже он должен бегать. У нас же всё наоборот. Его пытаются учить, когда он уже много набегал. Но это в беге, там движения близки к естественным. А в гимнастике всё неестественно. Спорт, и в том числе гимнастика, для жизни и оздоровления ничего не даёт”.

Он представил себе, что Игнатъев, прочитав записки, спросит его:

— А что же он даёт, для чего же он служит?

Что можно ответить ему на это... Человек придумал многие виды деятельности, не вполне понимая, что они ничего не дают человечеству.

Щёлкнула кормушка, и баландер протянул руку за посудой. Крыж подал ему тарелку и кружку.

Проглотив принесённое, он на автомате вымыл посуду и вновь взялся за свои “записки из неволи”.

Его несло, так что он только успевал записывать.

“Учащиеся не должны терять много времени непроизводительно. Они должны жить и питаться при залах. Учащиеся должно быть в группах не более 4—8 человек. Нужна система восстановления и реабилитации после тренировок: ванны с подводным массажем, барокамеры, парные, препараты для увеличения выносливости, массажисты, психологи. Всё это позволит тренироваться в полтора раза больше. Полежал в ванной — и мышцы расслабились, и спортсмен готов к следующему дню, весь негатив от нагрузок прошёл. За рубежом к этому пришли давно.

Тренироваться нужно три раза в день.

Необходимо разработать и серийно выпускать подсобные снаряды.

Поднять престиж тренера. Без этого не решить проблему тренерских кадров. Поэтому в тренеры идут одни женщины, а мужчины попадают туда только в том случае, если их не берут на другую работу.

Вместе с награждением ученика упоминать имя тренера. Запретить переманивание спортсменов. Выезжать на соревнования только со своим тренером. Увеличить зарплату тренерам. Кроме тренеров, нужно стимулировать и спортсменов. Создать аллеи олимпийских чемпионов...”.

Записав всё это, он почувствовал некую опустошенность. Но вместе с ней и чувство удовлетворенности сделанным.

* * *

— Как настроение, Иван Фёдорович? — спросил Игнатъев Крыжа, едва тот появился на пороге следственной камеры.

— Распрекрасное, — ответил Крыж, — я еле дождался сегодняшнего дня.

— Вот как? И что вы хотели мне сказать или сделать?

— Хотел посотрудничать со следствием.

— В чём это будет выражаться?

— Мне нужно выяснить некие детали ДТП, в которое попала несколько месяцев назад Света Калашевич. Мне также захотелось узнать, кому принадлежала машина, за рулём которой ехал молодой человек.

— Вы полагаете, что это имеет отношение к вашему делу?

— Самое прямое.

— А если это только стремление увести следствие от сути дела?

— Тогда я перехожу в общую камеру и жду приговора.

— Серьёзно. Я сделаю это. Но ещё несколько вопросов. И первый из них: почему вы написали записку Елене?

- Я её тренер. Я её воспитатель. Она оказалась в трудной ситуации, и я не мог оставаться безучастным.
- Но вы дали ей надежду.
- Надежду на что?
- Надежду на близость.
- Нет. Да в конце концов, о чём мы говорим. Устройте нам очную ставку.
- Лену только что перевели из реанимации в общую палату, она ещё слаба для допросов, и тем более для очных ставок.
- Давайте подождём, когда она окрепнет.
- Логично.

* * *

Ни завтра и ни послезавтра его не вызвали на допрос. Не вызвали его и на третий день. И он по-настоящему отчаялся, перестал делать физические упражнения, в нарушение распорядка дня лежал на нарах днём, мазохистски ожидая, когда контролёры заметят и накажут. Ему казалось, что это привнесёт какую-то ясность и определённую в его жизнь за решёткой. Как-то расцветит эту серую, однообразную жизнь. Но тюрьма жила своей жизнью, в которой он пока не представлял для неё никакого интереса. И он вдруг понял мотивы тех, кто пытается покончить жизнь самоубийством. Они хотят этим обратить на себя внимание. Они...

Звук поворачиваемого ключа прервал его размышления.

- Вы плохо выглядите, Иван Фёдорович, — сказал следователь, увидев его, — вам нездоровится?
- В некотором роде, да.
- Вам придётся немного потерпеть.
- Я это делаю второй месяц.
- Срок следствия по УПК — два месяца, — как-то уж больно равнодушно ответил Игнатъев.
- Вам виднее, — произнёс Крыж.
- Пришла пора подвести итоги, — сказал следователь, пропустив колкость Крыжа между ушей. — Машина, на которой было совершено ДТП, принадлежала вашему коллеге Сафроненко. Парень этот — его племянник и ездил на ней по доверенности. Перед самой поездкой Сафроненко брал у него автомобиль, но потом отдал, попросив отвезти ваших учениц домой.
- Прекрасно. Только он мог знать, что Лена живёт в ближнем микрорайоне, а Света — на окраине. Причём он также знал, что племянник поедет краткой дорогой, через холмы, и на спуске у него будут проблемы с тормозами. Но парень сидел привязанный, а Света была на заднем сиденье.
- Правильно, и что ещё более любопытно: Сафроненко и рассадку их делал. Но что это нам даёт?
- Мотивы поведения Лены.
- Тут, пожалуйста, поподробнее.
- Она действительно приходила ко мне, она действительно призналась мне в любви...
- Тогда почему вы не сказали мне об этом раньше?
- Я не хотел её дискредитации. Это всё девчоночьи порывы. У неё сложные отношения с отчимом. Она конфликтует с матерью. Она всегда соперничала со Светой, но это было хорошее спортивное соперничество. И вдруг Света получает травму и выбывает из борьбы. Лена остаётся одна. То равновесие, которое было между ними, нарушилось. Света перестала быть её конкуренткой, и Лена надеялась, что что-то может измениться и в наших отношениях.
- Фактически она видела в Свете не столько спортивную конкурентку, сколько соперницу в борьбе за внимание тренера?
- Да.

— И она стала приходить к вам?

— Да, она стала приходить ко мне, то со своими стихами, то с подростковыми проблемами. Конечно же, я понимал, что её тревожит и беспокоит. Но что я мог сделать? В тот день, а точнее вечер, она пыталась объяснить. Но у меня было такое впечатление, что на этот шаг её подтолкнул кто-то из взрослых.

— Вы полагаете, это были родители?

— Нет.

— Почему вы так решили?

— Когда работаешь с ними по многу часов ежедневно, начинаешь чувствовать их мысли, и не только те, которые они озвучивают.

— Значит, вы пришли к пониманию...

— Я пришёл к пониманию того, что произошло.

— То есть вы выявили организатора всей этой провокации?

— Да.

— Вот видите, иногда полезно посидеть в тюрьме, она мозги прочищает. Как вы нашли Сафроненко?

— Сафроненко я привёз в наш город, потому что он остался не у дел в столице. Тренер он неплохой, но не творец. Поработав у меня, он стал ходить к партийным боссам и говорить, что лучше было бы, если бы спортивную школу возглавил он. Так как он мастер спорта, а я всего лишь бывший перворазрядник. Но тогда ему не хватило баллов. Я давал стране золотые медали, и все понимали это.

— А как только для вас настали чёрные дни, как только стало понятно, что у вас нет учениц, которые могут дать медали, он использовал свой шанс?

— Скорее всего.

— Вы знали, что он племянник Второго?

— Нет, да и какое это имело значение, кто чей племянник?

— Так вы думали до...

— До чего?

— До того, как попасть в тюрьму. Сейчас ваша жизнь будет иметь этот раздел. То, что было “до”, и то, что стало “после”.

— Вы полагаете?

— Я это утверждаю. Но прежде чем мы перейдём к следующим эпизодам, один вопрос. Иван Фёдорович, зачем вы выбрали такую жизнь? Ваши воспитанницы постоянно бьются в сетях соперничества и конкуренции, да и тренеры не лучше их, что-то вроде пауков в банке. Вам нравится всё это?

— На это не нужно обращать внимания, когда идёшь к какой-нибудь значимой цели. Иначе сам запутаешься в этих спортивных интригах. Всё как в жизни: если ты верблюд и везёшь кого-то далеко, не разменивайся и не отвлекайся на лай собак и даже попытки тебя покусать. Помни о том, что ты должен довести седока в конечный пункт...

* * *

В помещении, где полтора месяца назад “принимали” Крыжа, те же контролёры обыскивали его.

— Я понимаю, что меня нужно было обыскать при приёме, — сказал им Крыж, — чтобы я не пронёс сюда то, что не нужно. Но сейчас?

— А сейчас, чтобы не вынес то, что не нужно, — равнодушно произнёс один из контролёров, изымая записи Крыжа.

— Но там нет для вас ничего интересного.

— Раз нет интересного для нас, то нет интересного и для вас, — ответил контролёр.

— И что вы будет с ними делать? — спросил Крыж, кивая на бумаги, одновременно вспоминая, как надеялся он, что его мысли будут надёжно сохранены, как бумаги Кибальчича.

— Мы — ничего, — сказал разговорчивый контролёр, — опера посмотрит и, если в них нет ничего интересного, уничтожат.

— А вдруг там план спасения...

— Не положено, — вмешался в полемику второй, — не положено!

Он вернул Крыжу его часы, ключи от квартиры и тренерской и пакет с зубной щёткой.

— Щётку оставь здесь, — сказал первый контролер, — переломи и брось в урну.

— Зачем? — не понял Крыж.

— Здесь, как с кладбища, на волю лучше ничего не брать, — терпеливо объяснил второй, — примета такая, чтобы больше сюда не возвращаться никогда.

* * *

Крыж шёл по улице, с ужасом чувствуя, что он выглядит и даже пахнет совсем не так, как должен выглядеть и пахнуть человек на воле. Но самое неприятное — ему казалось, что это чувствуют все, кто попадаетея ему навстречу.

Чуть легче ему стало, когда он скрылся в подъезде своего дома. Он позвонил, но дверь не открылась. Видимо, Владилена была на работе. Тогда он достал ключи и стал открывать замок. Но ключ не входил в замочную скважину. Он промучился с минуту, пытаясь всё же вставить его, пока за его спиной не открылась дверь и старушка соседка произнесла шёпотом:

— Вань, она сменила замок.

— Ясно, тетя Тань, — сказал Крыж и начал спускаться вниз по лестнице...

Железнодорожный вокзал был, как обычно, несуетен. К поездам дальнего следования не было обычных торопливых и больших потоков пассажиров. Крыж доехал до вокзала на такси, прошёл на перрон, мельком глянув на большие часы. Оставалось десять минут до отправления.

У вагона он показал проводнице билет, но не стал входить в поезд, а поставил чемодан у своих ног и огляделся.

Проводница была одного с ним роста, но по весу превосходила его раза в полтора.

“Вот кого я никогда бы не взял в гимнастику”, — подумал он.

— Мужчина, вы будете заходить? — спросила его проводница.

— Да, — ответил он и почему-то, как в тот день автомобильной аварии, пожалел, что не курит.

Через десять минут он уедет отсюда. Десять минут — и вся жизнь. Он рос здесь, делал первые шаги в спорте, вернулся сюда из столицы после учёбы, начал тренировать гимнасток.

— Иван Фёдорович, — услышал он за спиной знакомый голос.

Крыж повернулся и не без иронии спросил:

— Проходили мимо, Сергей Александрович?

— Нет, — ответил тот, — пришёл попрощаться с вами.

— С отверженным?

— Это для них вы отверженный, я же пришёл попрощаться с тренером и поэтом.

— Спасибо на добром слове.

— Надеюсь, я не единственный провожающий?

— Единственный.

— Вы, как всегда, честны, а могли бы сказать, что вас только что провожали ваши воспитанницы.

— Ученицы.

— Пусть будут ученицы. Так они были здесь?

— Нет, этого сказать я не могу.

— Тогда скажите это сейчас, — произнёс Игнатъев, — к вам идёт одна из них, а я откланиваюсь.

К Крыжу от дверей вокзала шла Света Калашевич.

— Здравствуйте, Иван Фёдорович, — сказала она.
— Здравствуй, Света, — ответил он. — Как ты себя чувствуешь?
— Спасибо, хорошо. Я вас везде искала, но никто не знал, где вы были.
— Света, это действительно так, ты очень точно указала на главный признак... Никто.

Проводница проверила билеты у очередного пассажира и произнесла в сторону тамбура вагона, видимо для своей напарницы: “Вера, предупреди провожающих: через пять минут отправление”.

— Иван Фёдорович, — произнесла Света, — я не мыслю себя без гимнастики, возьмите меня с собой, я буду вашей помощницей. А потом я стану тренером, как вы. Я приеду туда, куда вы скажете.

— Хорошо, Света, хорошо, — сказал Крыж. — Давай мы, как раньше, поставим задачу: первое — восстановиться, второе — окончить школу.

— А потом? — с надеждой спросила Света.

— А потом, если у тебя не пропадёт желание, я сделаю из тебя классного тренера женской гимнастики.

— Я хочу тренировать мужчин.

— Но этого ещё никто из женщин не делал.

— Вот я буду первая!

— Хорошо, хорошо, — сказал Крыж и непроизвольно оглянулся.

— Вы напрасно их ждёте, — произнесла Света, — Сафроненко запретил им приходить на вокзал и для страховки отправил их за город на общефизическую подготовку.

— Гражданин, — сказала проводница вагона, обращаясь к Крыжу, — мы отправляемся...

Крыж прижал к себе Свету, хотел сказать что-то вроде “до свидания” или “до встречи”, но комок подкатил к горлу, и он не смог этого сделать.

Он отвернул голову в сторону и вошёл в тамбур. Поезд тронулся, Крыж из-за спины проводницы помахал Свете рукой и направился в вагон.

В его купе было два попутчика: молодой человек лет двадцати и его сверстница. Они уже разместились и беседовали о чём-то своём. В руках у юноши был томик Пушкина.

Крыж поздоровался, поставил чемодан в рундук, вышел в коридор и стал у окна.

Перед ним пробегали конурки дачных домиков и лесопосадки.

Голос молодого человека за спиной вдруг произнёс:

— Я помню чудное мгновенье...

Поезд из-за лесопосадок выехал на открытое место. И Крыж вдруг увидел, что возле железнодорожного полотна стоит пирамида из юных гимнасток. При виде поезда верхние участники её приветственно вскинули руки вверх...

Комок подкатил к его горлу, он закрыл глаза...

*У меня, как аккорд напряжённой струны,
Комом в горле дыханье стояло
В те мгновенья, когда вместе с гимном страны
Имя Родины громко звучало.*

*Не себя, а страну я прославить хотел,
О триумфе мечтая ночами.
И мой счастлив удел! Я увидеть сумел
То, что сделал своими руками...**

* Строки стихов, использованные в повести, принадлежат Ренальду Ивановичу Кнышу, заслуженному тренеру СССР по гимнастике, чьи ученицы принесли Белоруссии и СССР пять золотых олимпийских медалей.